

ИНДИЯ: ДОСТУПНАЯ И НЕДОСТУПНАЯ

Е. Н. Шапинская

Индия для меня — это во многом страна воспоминаний. Я жила в Индии в 70-е — 80-е гг. прошлого столетия. Потом приезжала несколько раз. Но в нынешнем веке мои контакты оборвались, интересы изменились. Это, безусловно, было связано и с тем, что от практики искусства индийского танца я перешла к исследовательской работе. Моя кандидатская диссертация была написана на тему «Эстетические особенности индийского танца», но дальше этой темой я заниматься не стала. Я никак не «вписывалась» в московское индологическое сообщество, а без этого пытаться что-то сделать по Индии, что-то напечатать было невозможно.

У меня появились новые интересы, я увлеклась постмодернистской философией, проблемами массовой культуры. Это было востребовано в 90-е, интерес же к Индии стал уменьшаться, Россия повернулась к Западу... Я это чувствовала и на лекциях по истории культуры, по которым можно очень хорошо понять настроения и предпочтения молодежи. Много лет я изучала массовую культуру, проблемы гендера, масс-медиа, много на эту тему у меня вышло работ, я чувствовала себя востребованной, разрабатывала инновативные курсы.

Но в последние годы произошел интересный поворот — Индия снова стала вызывать интерес. Началось повальное увлечение йогой, толпы туристов устремились на Гоа и в другие места Индии. И вновь мое индийское прошлое стало интересовать моих студентов, которые готовы долго слушать о той Индии, которую я знаю. Это, конечно, Индия прошлого — ведь изменения в наши дни стремительные, а тотальная глобализация захватывает все новые пространства. Но эта отдаленность во времени придает моим воспоминаниям и налет романтики, столь привлекательный

Шапинская Екатерина Николаевна - доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Российского института культурологии.

для молодежи, которая сейчас идеализирует 60-е, рок-культуру того времени, движение хиппи и увлечение Востоком.

Поэтому позволю себе погрузиться в воспоминания об Индии, какой я ее знала три десятилетия назад.

Первые впечатления

Сразу хочу оговориться — я приехала в Индию не смотреть достопримечательности, а жить там, поэтому мне было нужно узнать и понять образ жизни, быт, обычаи, нужно было «вписаться» в повседневную жизнь.

Индия — это множество миров, укладов, правил поведения в разных ситуациях.

Вначале я жила в Дели. Муж занимался политической деятельностью, круг знакомых и друзей был очень разнообразный — люди из разных штатов, разных социальных слоев. Это было очень искусственное окружение — все они приехали в столицу в качестве представителей различных партий, организаций и т.д. Из-за того, что все имели разные языки, говорили в основном на английском или на хиндустани (разговорный вариант хинди, распространенный на севере Индии. — *Е. Ш.*).

Многие индийские политики происходят из богатых образованных семей, дети которых учились в Англии (английское образование считается престижным). В то же время встречались и представители низких каст, пришедшие в политику из народа и получившие возможность продвигаться благодаря политике правительства Индии, которое, следуя идеям Ганди, выделяет квоты в университетах, правительственных учреждениях для представителей низших каст. Так что я могла видеть всю Индию «в миниатюре», понять, как можно отличать южан от северян, мусульман от индуистов или джайнов. Часто это можно сделать по внешности — большинство южан явно носят отпечаток дравидского происхождения, они темнее, ниже ростом (как правило, бывают исключения). Бенгальцы, которые гордятся своей культурой и образованностью, были привержены к своей национальной одежде — дхоти, хотя в основном эта разнообразная компания одевалась вполне стандартно по-европейски. Но это на людях. Как только вы попадали к кому-то домой, сразу можно было понять, как многообразна Индия.

Меня много приглашали в гости, и я видела, как дома люди становились не «индийцами», а тамилами, бенгальцами, пенджабцами и т.д. — разная одежда, разная еда, разные языки. Даже сейчас, в эпоху тотальной

глобализации, индийцы предпочитают, во всяком случае, у себя дома, свою кухню, а она совершенно разная в разных регионах. В таком мегаполисе как Дели все это можно было увидеть, потрогать, попробовать.

Одним из любимых мест для того, чтобы встретиться, посидеть, поболтать были Кофе Хаусы (это не эквивалент наших кофеен). Они были дешевыми, демократичными, имели приятную атмосферу (не знаю, сохранилась ли она сегодня). Это были южноиндийские кофейни, где варили крепкий кофе, который принято пить на юге Индии и готовили разнообразные южноиндийские закуски, сделанные на основе рисовой муки, — доса, бада (что-то вроде блинчиков, пончиков) с острой южноиндийской приправой самбар, без которой не обходится ни одно блюдо. Эти Кофе Хаусы были очень популярны и среди молодежи, и среди интеллигенции, так что благодаря им вкус к южноиндийской кухне распространился гораздо шире, чем Тамилнаду или Керала (южные штаты Индии).

Таких примеров можно привести несколько — вообще кулинария — один из самых важных факторов взаимодействия культур. И на ее примере можно было видеть, как идет модернизация. Уже тогда в Дели появились кафе-мороженое, основанные на самой современной технологии и продающие много разных сортов мороженого, ничуть не хуже, чем «Баскин Роббинс». Но в Индии существует и свое традиционное мороженое, кулфи, которое продают в старом городе, и многие с удовольствием его едят. Но все же современная технология оказалась успешнее и вытеснила традиционное лакомство.

Вот такое смешение Севера и Юга, старого и нового можно было наблюдать в Нью-Дели.

Но совсем другой мир открывался, когда вы попадали в старый Дели, с его главной торговой улицей Чандни Чоук. Я помню, что когда я впервые попала в старый Дели, меня охватил ужас, хотя установка была на восприятие всего как должного. Я ехала с мужем на скутере (очень распространенный в Индии транспорт), и мы попали в поток машин, скутеров, велосипедов, пешеходов, разных животных, все это двигалось, гудело, кричало (в Индии для того, чтобы повернуть, надо было махать рукой), сливалось в какую-то бурлящую массу.

В старом Дели много мусульманского населения, живут очень скученно, грязно, бегают голые дети, ходят животные — все это можно было видеть в переулках, отходящих от главной улицы. Несмотря на все мои

установки, я испытала культурный шок (что со мной случалось в Индии всего два или три раза). Но какой контраст представляла торговая Чандни Чоук с блеском тканей, сари, покрывал, украшений, с запахами пряностей — какое-то ощущение сказки, а на грязь и скученность перестаешь обращать внимание. Туристы часто приходят в ужас от грязи и бедноты, но когда живешь в Индии, их перестаешь замечать, они такая же часть жизни, как и пестрота и блеск торговых кварталов.

Старый Дели был частичкой прошлого, когда я его увидела, его еще практически не коснулась модернизация, в отличие от Нового Дели, где стремительно росли высокие здания, офисы и магазины были кондиционированы, уже тогда строились современные торговые центры. Один такой — Паллика базар — был построен под землей, в самом центре Нью-Дели, недалеко от центра колониальных времен — Коннат Плейс — и привлекал самую разную публику, от индийских домохозяек до заезжих хиппи.

Эти последние были еще одной интересной чертой Дели. В России, тогда еще советской, ничего (вернее, никого) такого, было увидеть нельзя, и я с любопытством смотрела на молодых людей и девушек, одетых в домотканую индийскую одежду и шлепанцы и бродящих под самым жарким солнцем. Индийцы такую одежду — «кхаддар» — надевают дома, или же ее носят слуги или «рикшевалы», и в солнечное время индийцы стараются на улицу не выходить, а эта европейская и американская молодежь смело бродила в самый зной, иногда за спиной был пристроен ребенок. Вид у них, на мой взгляд был самый жалкий — обгоревшая кожа (было много светловолосых и светлокожих, наверное, скандинавов), слипшиеся волосы... Но их это все нисколько не смущало, они ели в самых дешевых забегаловках и путешествовали автостопом. Потом мне приходилось встречать этих беглецов от западной цивилизации в Гималаях, в штате Химачал Прадеш, где я много раз бывала. Там они обменивали у местного населения свои джинсы, еще какую-то привезенную из дома одежду и мелочи на псевдодревности.

Но вернусь к жизни в Дели.

Жизнь индийской столицы — единство в многообразии

Конечно, это была жизнь во многом искусственная, и это имеет исторические причины. Выходцы из различных штатов в то время еще сохраняли свою специфику. Думаю, сохраняется она и сегодня, но в меньшей степени, не в силах выдержать поликультурного стиля мегаполиса. То же

можно сказать и о религиозной жизни, которая в Дели весьма специфична — ведь история оставила сильнейший след мусульманского правления. Это видно и в памятниках — могольских садах, гробницах мусульманских правителей, громадной мечети Джама Масджид. А вот индуистских храмов мало, среди них много современного «новодела».

Религиозные обычаи соблюдались скорее на уровне частной жизни, но не играли заметной роли в жизни общественной. Во многом это, конечно, связано с моим окружением, многие политики левой ориентации (а в то время в Индии было несколько коммунистических партий разной направленности) вообще считали себя атеистами.

Совсем другой мир представляли собой люди искусства. Здесь тоже можно было наблюдать резкий контраст между теми, кто занимался музыкой или танцем на протяжении поколений, и новой творческой интеллигенцией, ориентированной на модернизм Запада в некотором специфическом преломлении. Поскольку я занималась классическим танцем, мне пришлось общаться с настоящими индийскими «катхаками», потомственными танцорами и музыкантами.

Далее мы переехали в Пенджаб, в молодую столицу Чандигарх. Это было связано с тем, что мой муж, который был президентом Всеиндийской федерации молодежи (про-коммунистическая молодежная организация) перешел на более «взрослую» работу, он не хотел делать карьеру в Дели, а вернулся к себе на родину, в Пенджаб, где перспективы были лучше.

Чандигарх – символ новой Индии

Годы жизни в Чандигархе — лучшие в моей индийской биографии. Этот город совсем не обычен для Индии, он построен по проекту Ле Корбюзье, индийские архитекторы, которые принимали участие в этом проекте — великолепно образованные люди. Мы были знакомы с г-ном Шармой, главным архитектором Чандигарха в то время, он и его жена поддерживали меня в моих занятиях танцами.

Чандигарх — очень хорошо спланированный город, что совсем не характерно для старых индийских городов, но он не кажется чем-то искусственным и чуждым индийской культуре. Дело в том, что он прекрасно вписан в природу, находясь у подножия гор, которые придают очарование всему городу. Знаменитые горные курорты северной Индии — Касоли, Шимла — находятся недалеко от Чандигарха туда ездят отдыхать на выходные.

До Шимлы, правда, ехать часов пять, а Касоли, тоже очень живописное место, всего в двух часах езды. В Чандигархе необыкновенно красивое небо, каждый день новые краски — художник мог бы всю жизнь рисовать его и горы вдалеке. Чандигарх — город правительственных служащих, юристов, интеллигенции — ведь это административный центр трех штатов — Пенджаба, Харианы и сам по себе он считается союзной территорией. В нем прекрасный университет, один из лучших в Индии медицинских центров — Всеиндийский институт медицины. Удивительно, как уже в те годы в Индию проникали самые передовые технологии. В этом Институте было самое современное оборудование, медицинское образование в Индии на высоком уровне, врачи без труда находят работу в Европе и Америке.

В 70-е годы в Индии проводилась большая правительственная кампания по контролю рождаемости, везде были развешены рекламные щиты с лозунгом — «Маленькая семья — счастливая семья». Была и картинка этой счастливой семьи — папа, мама и трое детей. По индийским меркам мало. Насколько успешной была эта программа среди народа можно показать на еще одном примере из жизни.

Мой чандигархский учитель танца, гуру-джи, был женат на простой деревенской женщине. Это вполне типично для традиционного уклада, когда жену выбирают родственники, часто находят ее в деревне, и она ведет вполне уединенный образ жизни, нисколько не участвуя в деятельности мужа, зато рожая ему много детей. Мой гуру-джи решил прекратить этот утомительный и дорогостоящий процесс и попросил меня сходить с его женой к врачу, чтобы та объяснила ей все возможности семейного планирования.

Мы пришли в вполне современную больницу, оснащенную хорошим оборудованием и наглядными пособиями — таблицами и картинками.

Милая женщина-врач усадила взволнованную от вида всех блестящих инструментов женщину перед таблицей с изображением внутренних органов и начал беседу. «Камла, посмотри, вот что у тебя внутри...» Тут бедная Камла окончательно перепугалась, ухватилась за меня и взмолилась: «Биби-джи, уведи меня домой!»

Дальнейшие разговоры были бесполезны, и мы ушли ни с чем, а процесс увеличения семьи продолжался. Таков был конфликт модернизации, насаждаемой правительством «сверху» и традиционного уклада, в кото-

ром дети, особенно мальчики, составляют гордость и богатство семьи.

Индийская семья в эпоху перемен

Конечно, все эти представления господствуют среди не слишком образованных людей, а также среди низших каст, более приверженных традиции. Касаются они и брака, который заключается по сей день во многом в соответствии с традицией. Есть замечательный фильм режиссера Миры Наир, которая родилась и получила образование в Индии, но кинематографическая карьера ее сложилась на Западе. Это «Свадьба в сезон дождей», где показывается торжество традиционных семейных ценностей на фоне рассеивания семьи по самым разным странам. Свадьба становится событием, которое собирает вместе родственников, приехавших в Индию со всех концов света. А невеста, девушка вполне современная, стремящаяся к свободе в любви, предпочитает в результате жениха, которого выбрали для нее родители. Такое отношение вполне характерно даже для самых модернизированных индийцев, хотя так называемые браки по любви стали весьма распространенными среди образованных и вестернизированных слоев уже в то время, когда я жила в Индии. Но такие браки всегда становились проблематичными в повседневной жизни, когда надо было общаться с многочисленной родней, что неизбежно во время многочисленных праздников, свадеб, семейных торжеств, составляющих важную часть жизни всех слоев индийского общества. Правда, в моем случае эти сложности были смягчены тем, что в политической жизни, особенно левого толка, принимали участие представители всех штатов, религий, каст, и общение, и даже браки между ними были нередки. Такая же неортодоксальность существовала и среди вестернизированной интеллигенции, часто впитавшей дух и ценности западного либерализма. Проблемы начинались на уровне семьи, которая вовсе не обязательно разделяла «продвинутые» идеи политиков, писателей или художников. Я думаю, эта ситуация сохраняется и до сих пор, слишком глубоко укоренены представления о семье в индийской культуре.

В Чандигархе моего времени можно было наблюдать еще один процесс, который шел весьма бурно и проявлялся особенно ярко в этом городе, где значительную часть населения составляли люди образованные, адвокаты, врачи, преподаватели, служащие. Я имею в виду изменение в жизни и статусе женщины. В этой области изменения были гораздо драматичнее, чем в сфере семейных отношений и брака.

Индийская женщина на рынке труда

Если традиция предписывает индийской женщине роль жены и матери, то образование открыло для нее возможности реализации в профессии, что девушки и женщины и стали реализовывать весьма успешно. В мое время в Чандигархе было больше работающих женщин, чем в таких традиционных городах как Амритсар или Патиала. Я не говорю о Дели, где соседствовали самые разные модели гендерных отношений, от полного затворничества в традиционных мусульманских семьях до тотальной эмансипации в близких к Западной культуре слоях интеллигенции. Вначале женщины осваивали традиционно женские профессии, работали учительницами в школах, где, так же как и в России — настоящее женское царство.

Интересно, что и директорами школ также часто были женщины. В Индии много разных видов школ, как государственных, так и частных, причем последние нередко, по традиции еще недавнего прошлого, управляются церковными общинами. Так в Чандигархе самыми престижными были Школа монастыря кармелиток для девочек и школа св. Иоанна для мальчиков. В государственных школах девочки и мальчики учатся вместе, но работают преимущественно женщины.

Наряду с этим все больше стало появляться женщин-врачей, адвокатов, даже журналистов, причем чувствовали они себя в этих профессиях, еще недавно чисто мужских, вполне комфортно и добивались значительных успехов. В Индии, по крайней мере в то время, не стояла так остро проблема детей для работающей женщины. Во-первых, можно было найти няню, причем хорошую и недорого. Часто в дом брали молодую девушку из деревни, которая имела опыт с многочисленными младшими братьями и сестрами, быстро всему училась и до замужества выполняла обязанности няни.

Когда у меня дочь была совсем маленькая, у нее была няня — старая женщина, вдова учителя, которой не хватало средств и приходилось работать. Она была очень чистоплотная, с ребенком обращалась замечательно. Одна проблема — она была из касты браминов и не терпела даже вида мяса или курицы, которых очень любил мой муж. Для ребенка нам пришлось на несколько лет стать вегетарианцами, а исключение делать только в гостях. Потом у меня работала молоденькая девушка, она тоже хорошо все делала, и с дочкой возилась, когда та была не в школе, и по дому много чего успевала. Стоило это сравнительно недорого, во всяком

случае, работающая женщина могла себе это позволить.

Со временем найти такую помощь по дому становилось все труднее, молодежь из деревни стала предпочитать устраиваться на предприятия. Во-вторых, в школу дети идут с четырех лет, в подготовительные классы, так что нет необходимости в детском садике. Вот чего в Индии нет, так это наших бабушек, готовых посвятить себя внукам. Ведь в Индии женщина прежде всего заботится о маленьких детях и о муже, дочь, когда выходит замуж вообще переезжает к мужу и встречается со своей семьей не так уж часто, в основном по праздникам. Поэтому индийской женщине нельзя рассчитывать на свою маму в плане воспитания детей, ей надо решать эту проблему вместе с мужем.

Вообще, к детям относятся проще, чем у нас, их берут с собой в гости (а в гости в Индии ходят очень часто, причем без предупреждения — они могут зайти в любой момент, и всегда надо предложить чаю и поговорить). Они всегда окружают взрослых, их мир и мир взрослых ближе, чем в западной культуре, где детей всегда отделяли от мира взрослых. Только всеобщее увлечение компьютерными играми оторвало индийских детей от взрослых, и то не в такой степени, как в западном мире.

Масс медиа в Индии

Говоря о компьютеризации, надо сказать, что и компьютер, и телевидение пришли в Индию довольно поздно, но распространились очень быстро. В 70-е годы все большую популярность приобретало телевидение.

Появились первые индийские сериалы. И здесь это явление было «окрашено» культурной спецификой Индии — первым индийским сериалом была экранизация великого эпоса Древней Индии «Рамаяна». Это очень хорошо известное произведение, не столько благодаря тому, что ее читают (в Индии не так уж хорошо знакомы со своей классикой, как это иногда нам представляется), а по ее популярным версиям, в частности по празднику Дасера, когда вся Индия на 10 дней становится своеобразной игровой площадкой, на которой разыгрываются сцены из «Рамаяны».

В религиозном смысле «Рамаяна» очень прочно вошла в индуистскую жизнь, знакомы с ней и представители других религий Индии: ведь ее главный герой, царевич Рама — аватара (перевоплощение) бога Вишну, одного из главных (а в некоторых течениях главного) божеств индуизма. Поэтому зрители «Рамаяны», простые люди, воспринимали происходящее на экране буквально, а персонажей — как ожившие иконы. Когда на

экране появлялся божественный персонаж, зрители приветствовали его молитвенно сложенными руками. Сериал имел громадный успех.

Следующим масштабным телевизионным проектом стала экранизация «Махабхараты», второго великого эпоса Древней Индии. Это, несомненно, было очень трудной задачей, поскольку «Махабхарата» — очень масштабное и объемное произведение, со сложным, запутанным сюжетом, с многочисленными вставными эпизодами, с колоссальным количеством действующих лиц. Постановка получилась великолепной, в ней 94 серии, так что шла она два года (показывали эти сериалы раз в неделю, по воскресеньям), разошлась на видеокассетах, сейчас ее можно посмотреть на DVD, это непревзойденная классика.

Но индийцы знают ее гораздо хуже, чем «Рамаяну», а некоторые моменты даже вызывали недоумение. Так главная героиня «Махабхараты», Драупади, является женой одновременно пяти мужей, братьев Пандавов, героев эпоса. Исследователи объясняют это иногда тем, что в «Махабхарате» отражены очень древние пласты культуры Индии, в частности обычай полиандрии. Обычному человеку это непонятно. Моя соседка, с которой я дружила, очень милая женщина, не претендующая на интеллектуализм и ведущая роль домохозяйки с тремя детьми, была возмущена этим поворотом сюжета, считая его оскорблением чистоты индийской женщины. Вот такая неоднозначность в восприятии собственной культуры...

После зрительского успеха «Махабхараты» деятели телевидения обратились к еще одному популярному сюжету индийской мифологии — сказаниям о Кришне, и выпустили вполне успешный сериал и на эту тему. Конечно, религиозно-мифологические сюжеты — лишь часть индийской ТВ-продукции, но сама их востребованность и популярность многое говорят о менталитете индийцев. Представьте, если бы у нас экранизировали в форме длинного сериала «Слово о полку Игореве» и показывали его по воскресеньям — каков бы был его рейтинг, как вы думаете?

В то же время как кино, так и телевидение Индии очень быстро попали под влияние голливудских стереотипов. Киноиндустрия производила и производит невероятное количество фильмов, переносящих на индийскую почву все стереотипы массовой культуры, с драками, погонями, супергероями, роковыми красавицами, разбавляя это все, как положено в индийском кино, песнями и танцами. Уже в мое время киногерои переделались из национальной одежды в джинсы и мини-юбки, что стало

символом «продвинутой» молодежи, в то время как персонажи старшего возраста продолжали следовать этническому стилю.

Изменился и идеал красоты кинодив. Это очень хорошо можно видеть на примере двух фильмов, снятых на один сюжет — «Дорогая Умрао» (1981 г.) с Рекхой в главной роли и «Красавица из Лакнау», вышедшей двадцать лет спустя с популярной не только в Индии, но и на Западе Айшварьей Рай. Если Рекха является воплощением традиционного идеала индийской красоты, что подчеркивается ее нарядами, сдержанной манерой поведения, тонкостью оттенков чувства, которые показаны в танцевальных композициях, то Айшварья Рая гораздо менее «экзотична», но более свободна в движениях, а изменения в сюжете об индийской куртизанке и поэтессе Умрао Джан дали ей возможность показать героиню как активно борющуюся за свое счастье.

За 20 лет многое изменилось и в жизни и в кино, от которого требуются новые героини, активные и деятельные, и новые сюжеты, способные увлечь зрителя, живущего в бурно развивающемся информационном обществе.

Но вернусь к тому времени, когда я жила в Индии, времени, когда модернизация еще только начиналась, и было много уголков, которых она не коснулась.

Раджастхан — штат, где хранят традиции

Так случилось, что мне много раз пришлось ездить в Раджастхан, штат известный своими воинскими раджпутскими традициями, засушливым климатом, верблюдами и удивительной красоты народными танцами. Ездила я не в облюбованный туристами Джайпур, живописную столицу штата, а в самую «глубинку», в Биканер.

Там жил и имел свою школу замечательный человек, музыкант и композитор, доктор (не медицины, а, переводя на наши термины, музыковедения) Джайчандр Шарма. Я познакомилась с ним в Чандигархе, куда он приезжал принимать экзамены. Это был образованный человек (в традиционном смысле), он великолепно знал музыку, классический и (что было особенно интересно для меня) народный танец. Он устроил мне концерт в своем городе, а потом открыл для меня красоту и разнообразие раджастханского танца. Я останавливалась у него дома, там жили, по традиции, женщины — жена и невестка проводили большинство времени на кухне, готовя строго вегетарианскую еду (это браминская семья). Выходи-

ли из дому, прикрыв краем сари голову, я тоже усиленно куталась, когда мы ходили на базар, блестящий от ярких тканей и браслетов.

Яркость Раджастхана невозможно передать ни словами, ни картинками — этот надо видеть. Национальный женский костюм — очень широкая юбка, кофточка и большое покрывало на голове, окрашенное способом tie-and-die. Можно часами смотреть на раджастанских женщин и удивляться неповторимости цветовых сочетания в их одежде.

Вопрос понимания и «прочувствования» другой культуры в ином контексте очень сложен. Ведь многие аспекты культуры формируются не только под влиянием духовных факторов, но и чисто физиологических, таких как климат, местные географические условия и т.д. Искусство жарких стран напитано совсем другим солнечным теплом и светом, нежели на Севере.

Йога в Индии и на Западе

Такие практики как распространенные в наши дни очень широко занятия йогой, тоже возникли в совсем другой климатической среде, ими занимались вне шума и суеты больших городов. Поэтому те варианты йоги, которыми стали увлекаться на Западе, а затем и в России, являются весьма условными модификациями сложной системы, связывающей дух и тело, возникшей очень давно и распространенной в Индии только среди очень узкого круга адептов. Все популярные течения йоги сформировались на основе спроса, которым пользовались восточные религии, духовные практики, искусство, начиная с середины прошлого века и по наше время. Появились многочисленные «гуру», которые с удовольствием получали доходы и славу от любопытных иностранцев, готовых на затраты и трудности, чтобы постичь тайны восточной духовности.

В самой Индии никто йогой особенно не увлекался, хотя были различные йога-центры, куда довольно часто ходили пациенты лечиться от остеохондроза и подобных недугов. Подобная проблема была у моего мужа, и врачи посоветовали ему походить в йога-центр, где ему подобрали довольно несложные упражнения, он занимался несколько месяцев, это помогло. Но увлечением не стало, и среди наших знакомых не было никого, кто бы увлекался йогой. Одна моя московская знакомая, инструктор по йоге, поехала путешествовать по Индии и Непалу и была разочарована, что не увидела там многочисленных ашрамов или учебных центров. Ведь они были построены специально для европейцев, в живописных ме-

стах с мягким климатом.

Йога стала ценным предметом экспорта и туристическим артефактом, я думаю, люди, которые ей занимаются в России не задумываются над этим, но, наверное. Это им, собственно говоря, ни к чему. Если занятия йогой проводятся грамотно (что бывает далеко не всегда), если инструктор хорошо овладел системой, уже давно приспособленной к физическим особенностям западного человека и к умеренному или даже холодному климату, то они имеют полное право на существование среди многочисленных систем фитнеса, который стал необходим как воздух страдающим гиподинамией жителям (скорее, жительницам) мегаполисов. Только не надо обманываться — занимаясь йогой в Москве или каком-нибудь другом русском городе, даже на «продвинутом» уровне, мы никоим образом не приобщаемся к индийской культуре, а лишь тренируем свое тело определенным способом, помогая ему превозмочь недостаток в нагрузках, столь типичный для «цивилизованной» жизни и в какой-то степени бороться со стрессами.

Мне сложно говорить о таком глобальном вопросе как перспективы развития Индии. Можно говорить о путях модернизации, о перемещении акцента в мировой цивилизации на Восток, об информационном обществе и глобализации. Но все это не отражает специфики Индии, которая, я думаю, находится вне времени. Я давно не была в Индии (и, по правде говоря, не стремлюсь туда попасть, мне почему-то кажется, что это будет грустным для меня, как всякое воспоминание о молодости), поэтому не могу сделать и собственного сопоставления Индии XX и XXI века, могу судить только по некоторым культурным событиям и текстам.

С одной стороны, Индия стала гораздо более доступной и близкой. Места, в которые в мое время было трудно попасть, вошли в туристические маршруты и энергично осваиваются туристами. Индийское искусство стало распространенным — во многих российских городах есть школы индийского танца, существует множество ансамблей, конкурсов, где демонстрируют самые разные школы танца, как классического, так и народного.

Но эта доступность только кажущаяся, на самом деле все это знакомство с Индией весьма поверхностно, такая древняя развитая утонченная культура не раскроет себя чисто с целью материальной выгоды. Существует определенный пласт индийской культуры, рассчитанный на восприятие или потребление иностранцами. С одной стороны, это вполне нормальный процесс модификации культурных феноменов, их «пере-

вода», перекодирования с целью расширения аудитории. Такой трансформацией индийского искусства занимались замечательные творческие личности, подлинные художники Удай Шанкар (в области танца) и Равви Шанкар (в области музыки), которым удалось проложить дорогу между Западом и Востоком в области искусства.

Массовая культура в Индии

Но в то же время распространенной стратегией в этой области стало намеренное упрощение, рассчитанное на быструю прибыль. Индийская культурная индустрия набирает силу, начиная с коммерческой продукции Болливуда и кончая фольклорными ансамблями, основанными на стилизации и потерявшими живой дух народного искусства. Эти процессы, нацеленные на успех индийской культуры (и ее носителей, многочисленных «гуру», часто пользующихся невежеством своих учеников в отношении индийской культуры) за рубежом, подрывают и саму аутентичную культуру, которой трудно противостоять натиску массовой культуры. Этот процесс распространен во всем глобализованном мире, где этничность стала хорошо продаваемым товаром, а процесс ее коммерциализации неизбежно сказывается и на «изначальной» культуре, которой трудно устоять перед натиском новейших технологий и стратегий культурной индустрии, даже если речь идет о такой древней развитой культуре как индийская.

Кроме того, в восприятии индийской культуры создаются новые стереотипы, возникшие как бы в противовес искусственной красоты болливудского кино, но не менее далекие от сложной реальности жизни Индии, в которой соседствуют и уживаются самые разные явления. Такая тенденция видна в весьма успешном фильме «Миллионер из трущоб», где представлен «другой» взгляд на индийскую реальность, претендующий на реализм, даже натурализм. Но это еще один пример «экзотизации» Индии, недаром в Мумбаи быстро разработали туристический маршрут, основанный на этом фильме. Трущобы большого города становятся обратной стороной сказочного дворца, и те, и другие служат интересам культурной индустрии.

Но несмотря на все эти тревожные процессы, угрожающие традиционной культуре, в индийской цивилизации заложены некоторые основания, которые сохраняются, несмотря на все исторические катаклизмы, меняющие социальные структуры и государственную политику.

Вечное и изменчивое в индийской культуре

Можно ли определить некоторые неизменные основания индийской культуры, которые выдержали многочисленные завоевания, колонизацию, сложный период становления после получения независимости, модернизацию или великие достижения этой культуры невосвратно ушли в прошлое, а сейчас стали достоянием истории или материалом для исторических фильмов? Я перечитывала Елену Блаватскую, которая писала об Индии, по которой она путешествовала за 100 лет, до того, как впервые приехала туда я. Это была, конечно, другая Индия, британская колония, сохраняющая также местное правление раджей, очень консервативная в вопросах касты и повседневной жизни. Не буду касаться религиозных идей Блаватской и ее интерпретации индийской философии, в частности, «тайного знания» йоги, меня интересуют ее наблюдения в области индийской культуры и их соотношения с тем временем, когда я жила в Индии.

Вот несколько примеров. В книге «Из пещер и дебрей Индостана» описано представление «Рамаяны», на котором автор и ее спутники побывали в Бомбее. Сама мифологическая тема очень характерна для индийского искусства, которое на протяжении многих веков было по преимуществу религиозным. Спектакль длился много часов, что также было типичным для индийского танца и драматически-танцевальных жанров, где действие, начинаясь вечером, часто длилось всю ночь. Конечно, сейчас это изменилось, изменение темпа современной жизни привело к сокращению времени представления и, соответственно, к менее подробному изложению сюжета. Но сама мифологическая основа сохраняется, составляя излюбленную тематику для самых разных видов и жанров индийского музыкально-драматического искусства (музыка, танец и театральные элементы с древнейших времен были теснейшим образом взаимосвязаны, воплощаясь в синтетическом зрелище).

Мне посчастливилось тесным образом познакомиться с замечательным южноиндийским танцевальным театром «Калакшетра», основанном легендарным хореографом Рукмини Деви, во время фестивале Индии в тогда еще Советском Союзе, я вела концерты и объездила с этим замечательным театром много республик. Наблюдая за жизнью коллектива с близкого расстояния, я видела, как точно соблюдаются все законы, изложенные в древнем трактате «Натья Шаstra» и с каким уважением и трепетом относятся исполнители к своему искусству, которое, по преданию, было даровано людям самим богом Шивой и его супругой Парва-

ти. Весь репертуар театра строился на эпизодах из «Рамаяны», а также классических номерах южноиндийского танца бхарат натьям. Эпизоды эпической поэмы были выбраны так, чтобы они имели законченный сюжет и ярко выраженные характеры. Танцоры были просто великолепны. Конечно, для адекватного восприятия публикой нужно было достаточно подробно рассказать сюжет, совершенно ранее незнакомый. Тем не менее, в большинстве мест, где мы бывали, спектакли проходили с успехом, хотя все же люди воспринимали номера как затянутые — все же это был другой культурный код. В самой Индии таким коллективам труднее работать, чем за границей, где привлекает «экзотика», а индийская публика, страстно любящая кино, переключилась на телесериалы. Но я уже писала о невероятной популярности «Рамаяны» на телеэкране, поэтому здесь можно скорее говорить о смене средства передачи религиозного содержания древнего эпоса, но никак о его устарелости. Заметим также, что сериалы, о которых я писала выше, очень длинные, таким образом, зрелище, которое в XIX веке занимало одну ночь, растянулось в современной Индии почти на год.

Еще один интересный пример из книги Блаватской — описание мест, связанных с биографией бога Кришны, который был одной из аватар Вишну и, соответственно, прожил земную жизнь. Места, где по легенде прошли детство и юность Кришны, священны для индуистов. Описывая Матхуру, где разворачивались основные события этого периода, Блаватская останавливается на обилии священных животных — коров, обезьян, которые буквально шагу не дают ступить в этом городе. Вся местность как бы погружена в сон, в воспоминания о далеком и славном прошлом. Несмотря на прошедший век, эти места до сих пор сохраняют некий ореол сакральности, там много маленьких храмов, где живет атмосфера далекого прошлого. А в праздник дня рождения Кришны (Кришна Астми) в Бриндаван стекается такое количество народа, что сразу понятно, что образ Кришны жив и любим в Индии, как и сотни лет назад.

Еще одна мысль, которая возникает при чтении книги Блаватской — насколько непредсказуемо будущее. Она писала во время, когда господство англичан в Индии казалось неоспоримым и вечным. Отсюда пафос ее книги, направленный против несправедливости этой исторической ситуации. Поэтому многие моменты в книге воспринимаются как исторический роман.

Жесткость кастовых ограничений, о которых тоже много написано,

уступила место равноправию (во всяком случае, формальному) представителей различных каст в независимой Индии, где для «хариджанов» существуют различные квоты в области образования, государственной службы. Но на бытовом уровне каста не исчезла, хотя межкастовые отношения, а также отношение к иностранцам, сильно смягчились со времени со времени путешествий Блаватской.

Я думаю, и сегодня нельзя сказать, каков будет дальнейший путь Индии, какое место будет она занимать в глобализующемся мире, как изменится уровень жизни и численность населения. Но хочется верить, что каковы бы ни были эти изменения, в Индии сохранится неповторимая культура, создаваемая на протяжении тысячелетий и объединяющая многочисленные этнокультурные сообщества, населяющие Индию. Хочется верить, что будет жить индийское классическое и народное искусство, избежав натиска массовой культуры, сохранив свое собственное культурное пространство. Это важно как для самой Индии, для ее огромного богатства, заключенного в культуре, так и для всего мира, который эту культуру для себя только начинает открывать.

INDIA: REACHABLE AND UNREACHABLE

E.N. Shapinskaya